

МУДРАЯ КНИГА В ПОДАРОК

Омар Хайям

РУБАИ

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 82-1/29
ББК 84(0)9-5
О-57

*Перевод, составление, вступительная статья,
примечания и комментарии И. А. Голубева*

Художник В. Н. Белоусов

Омар Хайям

О-57 Рубайи. Полное собрание / Омар Хайям ; [Пер. с перс. И. А. Голубева]. — М. : РИПОЛ классик. — 608 с. : ил. — (Мудрая книга в подарок).

ISBN 978-5-519-63900-2

Эта книга уникальна прежде всего принципиально новым взглядом на поэзию Омара Хайяма. В ней развенчивается привычный образ Хайяма, сложившийся в Европе за полтора столетия, и читателю предлагается открыть великого поэта заново. Уникальна она и другим: никто, никогда и нигде не переводил его стихи в таком объеме (более 1300 четверостиший).

Игорь Андреевич Голубев, поэт, прозаик, переводчик с фарси, посвятил работе над этой книгой более 36 лет. Во вступительной статье И. Голубев излагает свою расшифровку тайного учения Хайяма по намекам, рассыпанным в четверостишиях.

УДК 82-1/29
ББК 84(0)9-5

© Голубев И. А.,
перевод на русский язык,
вступительная статья,
комментарии, наследники,
2016

© Издание на русском языке,
перевод на русский язык,
оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик»,
2016

ISBN 978-5-519-63900-2

ТАЙНОПИСЬ ОМАРА ХАЙЯМА (размышления переводчика)

Омар Хайям... Универсальный гений такого же масштаба, как Леонардо да Винчи, и родившийся так же несвоевременно. Ему в истории повезло еще меньше. Ни одно из его важнейших научных открытий не было понято современниками, потому и не сыграло никакой роли в общечеловеческом прогрессе. Построенная им величайшая в мире обсерватория была закрыта еще при его жизни. Разработанный им точнейший календарь был вскоре вновь заменен традиционным. Написанные им стихи соответствовали мышлению совершенно другой (нашей) эпохи, а потому не пользовались популярностью и уцелели благодаря буквально нескольким почитателям с «извращенным» вкусом, чудом находившимся в каждом столетии. Творчеству Баха пришлось сто лет ждать признания... Творчеству Хайяма — семь с половиной столетий.

Немного истории

Более 140 лет назад на литературном небосклоне Европы вспыхнула неожиданная звезда. Стихи чужеземного поэта, о котором на Западе никто и не слы-

— Омар Хайям —

шал, кроме редких специалистов, преодолели толщу многих веков и заговорили на чужом языке, засверкали среди чуждой им культуры. Английский поэт-переводчик Эдвард Фитцджеральд, говоря языком тогдашних репортеров, в одно прекрасное утро проснулся знаменитым.

Его «Рубайят Омара Хайяма»¹ был вольным переводом. Пристрастный отбор четверостиший, произвольное толкование их, для связности сюжета собственные стихотворные вставки — все это позволило ему из сотни рубай (самостоятельных стихотворений, по 4 строки в каждом) создать связную поэму. Задумчиво пирующий герой поэмы и диковинная обстановка вокруг него прекрасно соответствовали сказкам «Тысячи и одной ночи», уже полюбившимся англичанам. Блистательная поэма Фитцджеральда издается в англоязычном мире по сей день. Более того, в других европейских странах слава Хайяма начиналась переводами не с фарси, а с английского — переводами этой самой поэмы. Каким-то чудом Фитцджеральд сохранил загадочность Хайяма, дал ощутить глубину его духа. Читатель чувствует: загадка — та, мировая, неразрешимая, которая встает перед каждым из нас; а Хайям ее решил. Глубина — та, что отпугивает всех нас; а Хайям высветил ее до дна. И хотя Фитцджеральд создал Хайяму репутацию трагичного весельчака и пьянчуги, якобы призывавшего «ловить миг» и не думать о будущем,

хотя эту нечаянную клевету поневоле подхватили переводчики его поэмы на другие языки, хотя такое представление о Хайяме стало считаться само собой разумеющимся, — но картинами ли бесшабашного застолья так привлекает нас древний поэт? Очевидно, что прежде всего — одним неистребимым ощущением: он разгадал некую великую тайну, он сообщает нам ее разгадку, мы силимся его понять, перечитываем, подходим совсем близко — и не понимаем.

Кто же он был такой, Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури? Ответ европейским читателям прояснялся медленно, десятилетиями. Жил в XI—XII веках. О первой половине его жизни не известно ничего, о последних годах — очень мало. Поэт, математик, философ, астролог, астроном, царедворец. Ему покровительствовали сельджукские власти Ирана Альп Арслан и его сын Мелик-шах, его поддерживал их знаменитый визирь, ценитель наук и искусств Низам аль-Мульк (1017—1092)... Сохранились его философские трактаты, написанные столь же великолепным языком, как и работы Платона, но явно лукавые, никак не выдающие его истинных взглядов. Обнаружились и его работы по математике, потрясшие ученых XIX века тем, что он, оказывается, в своих изысканиях лишь на 150 лет отстал от них — опередив свое время, следовательно, на шесть столетий! Известен и вроде бы им написанный трактат

Омар Хайям

«Науруз-намэ» — фейерверк блистательного юмора. И в то же время — ни единого признания в этих текстах, что он действительно писал стихи, ни единого клочка бумаги хоть бы с одним четверостишием, записанным самим Хайямом или кем-нибудь из его друзей. Свидетелями выступают только более поздние поколения, которые охотно коллекционируют крамольные стихи — и в то же время дружно указывают обличительными перстами на Омара Хайяма как на их автора.

Одна из легенд поведала такое. Хайям родился в Хорасане, в деревушке возле Нишапура. Около 1042 года поступил в хорасанское медресе, где сдружился с двумя сверстниками; по предложению Омара они поклялись: тот, кому повезет в жизни, обязан помочь и остальным двум. Повезло Абу-Али Хасану, который стал визирем (канцлером) сельджукского властителя, столь мудрым и удачливым, что заслужил прозвище-титул «регулятора державы» (Низам аль-Мульк). Товарищи напомнили ему о себе, и он сдержал юношескую клятву. Омар ограничился тем, что попросил в свое распоряжение налог со своей родной деревни, дабы там, «под родной кровлей, вдали от превратностей шумного света, мирно заниматься поэзией, которая восхищает мою душу, и предаваться созерцанию Творца, к чему склонен мой ум».

Третий же из них, честолюбивый и завистливый Хасан Саббах, стал интриговать против своего покров-

вителя, мечтая занять его место. Многоопытный Низам аль-Мульк превзошел его во встречных интригах, и Саббах был изгнан из дворца. А дальше — уже не только легенда, но и исторический факт: он поскакал по сопредельным странам, в Сирии познакомился с учением воинственных исмаилитов и перенес его в Иран, где стал объединять недовольных правлением Сельджуков. Один из людей Саббаха зарезал по его приказу спящего Низам аль-Мулька. Через месяц умер, вероятно был отравлен, Мелик-шах... Саббах со своей сектой наводнил страну ужасом и убийствами, он успешно противостоял даже войскам султана Санджара, взошедшего на престол после Мелик-шаха...²

Но можно ли доверять легендам?... Век назад годом рождения Хайяма считался 1017/18 год (соответственно этой легенде — как ровесника Низам аль-Мулька); позже указывался 1040 год. По сохранившемуся в пересказе тексту, который считается гороскопом Хайяма, индийский ученый Свами Говинда Тиртха вычислил, будто Хайям родился 18 мая 1048 года³, и сейчас принято считать эту дату почти достоверной. Та же неопределенность и с годом его смерти. Называют то 1121-й, то 1123-й, то 1131 год: *«В сообщении о Хайяме в „Доме Радости“ Табризи имеется следующее неполное предложение: „...в четверг 12 мухаррама 555 года в деревушке одной из волостей округа Фирузгонд близ Астрабада“.* Индийский исследователь Говинди высказал пред-

положение, что в этом предложении Табризи перед словами „в четверг“ недостает слов „он умер“ или другого выражения с тем же значением. Советские ученые определили, что 12 мухаррама пришлось на 4 декабря 1131 года. Именно эту дату следует считать наиболее вероятной датой смерти Хайяма»⁴.

Однако обратим внимание: Саббах, родившийся в 1054/55 году, никак не мог быть соучеником Абу-Али Хасана, да и Хайям отнюдь не удалился в родную деревню, а стал придворным астрологом, строителем обсерватории и даже занял официальную и весьма почетную должность друга-наперсника шаха. Следовательно, уже ко времени Рашидиддина жизнь Хайяма обросла фантастическими легендами; очевидно, что ко времени Табризи, еще полтора века спустя, тем более. Не случайно к анекдотам о Хайяме, приводимым Табризи, исследователи относятся с большим недоверием. Так что рискованно доверять этой отрывочной фразе и считать год смерти Хайяма достоверно установленным.

Что же касается 1048 года рождения... Гороскоп этот нам известен по пересказу Бейхаки (1106—1174), который мальчиком был представлен старцу Хайяму в 1113 году, а на закате своей жизни написал воспоминания. Гороскоп был найден в бумагах поэта после его смерти, но было ли там прямо сказано, что это гороскоп самого Хайяма, — неизвестно. С другой стороны,